

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.Н. Медушевский

*д.филос.н., профессор, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва)*

ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ: СОДЕРЖАНИЕ, ЭВОЛЮЦИЯ И ПРИЧИНЫ ИСЧЕРПАНИЯ (ЧАСТЬ 2)¹

Аннотация. Итоги посткоммунистической эволюции в Восточной Европе, начавшейся с крушения Берлинской стены и распада СССР, становятся предметом очень противоречивых дебатов 30 лет спустя. Растущее социальное разочарование, подъем консервативного популизма и отступление демократии во многих странах этого региона делает академические дебаты частью более широкой идеологической и политической борьбы за концепцию будущей Европы и место Восточной Европы в глобализирующемся мире. В центре этой проблематики находится переоценка посткоммунистического проекта — системы ценностей, принципов и норм экономической и политической трансформации в Восточной Европе, а также дорожной карты, использовавшейся элитами для восстановления политической легитимности и проведения реформ. Автор анализирует три главных аспекта этой темы: содержание посткоммунистического проекта как теоретической конструкции, эволюция его основных идей за прошедшее время, результаты его реализации — как позитивные, так и негативные. Во второй части статьи в центре внимания находятся причины и механизмы дисфункций посткоммунистического транзита: логика демократии и авторитаризма в обществах переходного периода; типология и интерпретации политических режимов; концепция «конца посткоммунизма» как идеологическая конструкция. Автор суммирует роль посткоммунистического проекта в текущих политических дебатах, показывая его противоречия, упущенные возможности, дисфункции и причины исчерпания.

Ключевые слова: *посткоммунизм, Центральная и Восточная Европа, посткоммунистический транзит, отступление демократии, популизм, политические режимы, идеология, экономические и политические реформы, легитимность.*

JEL: A10, F02, F15, N20, P20.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2021_2_79_90.

В первой части статьи (см. ВТЭ, 2021, № 1) были рассмотрены более общие вопросы концепции посткоммунизма: содержание данного понятия в текущих дебатах; место посткоммунистической Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) как глобального региона в геополитической перспективе; противоречия переходного периода; так называемые «демократические транзиты» и причины вариативности их результатов. Во второй части статьи в центре внимания находятся механизмы дисфункций посткоммунистического транзита: логика демократии и авторитаризма в обществах переходного периода; типология и интерпретации политических режимов; концепция «конца посткоммунизма» как идеологическая конструкция. В заключении суммируется роль посткоммунистического проекта в текущих политических дебатах, показываются его противоречия, упущенные возможности, дисфункции и причины исчерпания.

¹ Статья подготовлена в результате проведения исследования в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2020–2021 гг. (№ проекта 20-01-006) и в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

Дисфункции посткоммунистического транзита: демократия и авторитаризм в обществах переходного типа

Вопреки представлениям начального периода посткоммунистической трансформации, в последующей литературе выявлены дисфункции этого процесса, позволяющие говорить о системном характере отклонений от западных образцов. В центре внимания — вопрос о том, определяется их появление исторической традицией, ошибками осуществления реформ или логическим следствием избранной модели транзита? Суммируем наиболее важные аргументы критиков:

1) Сохранение государствами региона ЦВЕ периферийного и зависимого положения от исторического Запада, выражающегося в психологических стереотипах и параметрах социального регулирования. В результате трудности транзита соединились с трудностями, вызванными глобализацией, которые меняют концепцию либеральной демократии. Недоверие общества к власти не стало препятствием к консервации и воспроизводству её системных характеристик. Принятие идеологии либерализма, по мнению критиков, ведет к ослаблению роли государства, данная слабость способствует установлению доминирования клановых интересов, даже «приватизации государства»; эта слабость, в свою очередь, способствует его приватизации и утрате обратных связей с обществом. Возникает замкнутый круг, который трудно разорвать (то, что называется «выйти из посткоммунизма»).

2) «Дефектная демократия» — ситуация, когда демократические институты созданы и формально функционируют, но на деле не выполняют функций обратной связи между обществом и властью. Этот феномен констатируется для всех стран посткоммунистического транзита, включая наиболее продвинутые в становлении демократических институтов. Примером выступает Чехия, где данное явление получило систематическую разработку. М. Клима в своей книге «От тоталитаризма к искаженной демократии» представил ситуацию, сложившуюся в стране за прошедшие четверть века как систему клиентелизма, охватывающую государственный аппарат, партии и коррупцию [Klima, 2015]. Ещё для Чехословакии этот процесс выражался в том, что трудности переходного периода не были учтены — результатом стали слабость гражданского общества, укорененность коммунистических (вообще патерналистских) стереотипов, национализм (как причина распада страны), элитарный характер образования всех партий, коррупция как следствие приватизации, неэффективность власти. Распад Чехословакии выражал определенные договоренности элит, сложившихся в предшествующий период [Eyal, 2003], но одновременно укреплял их статус в новых государствах. Констатируется конфликт менталитета и институтов — последние деформируются из-за традиционализма сознания. Наследием коммунизма становится нетерпимость политиков. В целом эта ситуация определяется в виде парадокса — «есть демократия, но нет демократов». Нужно, по мнению эксперта, как минимум, два поколения, чтобы уйти от прошлого и начать уважать себя как нацию. За всем этим стоит исторический комплекс — отсутствие собственной элиты в стране, которая в разное время управлялась из Вены, Берлина или Москвы [Pehe, 2014]. «Дефектная демократия на уровне авторитаризма — определение, использовавшееся также для квалификации других постсоветских стран, в частности, российской политической системы [Ясин, 2012].

3) «Слабое государство» — анемия государственности как предпосылка возвращения к власти старой партийной номенклатуры в новых формах. Этот феномен характерен для тех посткоммунистических государств, где элитами был взят курс на проведение идеологизированных либеральных реформ в направлении рыночной экономики, способствовавших ослаблению инфраструктуры управления. Примером служит Болгария, позволяющая судить о структурных факторах трансформации государственного социализма, выборе элит, институциональной легитимности при перераспределении ресурсов, источ-

никах соскальзывания с демократического пути [Ganev, 2007]. В отличие от традиционных элит (стремящихся к институционализации) новые посткоммунистические элиты, как считает В. Ганев, выделились из государства и находятся вне его. Они заинтересованы в слабости государственных институтов и правовых правил контроля над ними изнутри с целью установления доминирования над ресурсами. Это — фактор, способствующий слабости государства, результатом которого может стать «декомпозиция государства». В случае Болгарии данное наблюдение становится основой вывода об амбивалентности либеральной программы реформ для посткоммунизма и необходимости перейти от идеологической к социологической оценке их вклада [Ganev, 2020]. В этой перспективе понятен парадокс слабости постсоветских государств, в частности Центральной Азии. При внешней импозантности государства и видимых признаках его мощи, на деле присутствуют факторы слабости, требующие специальных технологий управления [Heathershow, 2017].

4) «Частное государство» (private state) — система фактического захвата государственных институтов одним властным кланом с целью установления контроля над экономикой и политикой. Возникает «рентоориентированная политическая система». Ее примером в регионе ЦВЕ для критиков служит современная Венгрия, где фактически сформировался однопартийный режим, в котором «государство–партия–семья» — одна система, ее элементы взаимно проникают друг в друга, а управление начинает напоминать систему итальянской мафии. В отношении Венгрии В.Орбана было введено понятие «мафиозное государство», особенность которого усматривалось в таком способе слияния власти и собственности, при котором «политическое предприятие само превращается одновременно и в экономическое, покоряя как мир политики, так и мир экономики и формируя с помощью всего арсенала средств государственной власти свою мафиозную культуру» [Мадьяр, 2016. С. 20].

5) «Национальный посткоммунизм» как неудачное завершение транзита к демократии. Современный польский автор, сравнивая режим В. Орбана с режимом Я. Качиньского, предлагает следующую его формулу — это системы «национального пост-коммунизма». Для подобного государства он выделяет следующие ключевые признаки или «правила»: 1) примат старых товарищей (элита Фидес — родственники и друзья с детства); 2) лояльность лидеру превыше всего (никто не оспаривает лидерство); 3) партию не покидают — она заботится обо всех, включая не справившихся и совершивших ошибки; 4) никакой пощады внутренним врагам; 5) политика — это бизнес или средство обогащения: терпимое отношение к коррупции и формирование системы «доверенных сторонников», сходной с олигархией, но без предоставления ее членам права прямо влиять на политику; 6) ограничение демократических институтов, в частности судебной власти и СМИ, которые превращаются в орудие политики — «партийный мегафон»; 7) популистский и демагогический стиль политики и пропаганды, ориентированной на провинцию и социальные низы с целью обретения стабильной электоральной поддержки и закрепления у власти. Власть сконцентрирована в руках лидера при централизованной экономике, кастовой социальной системе, характеризуется отчужденной государственно-партийной элитой, коррупцией и терпимым отношением к ней. Все это, считает аналитик, продолжение традиций XX в. в системе «национального посткоммунизма» [Kalan, 2019]. Можно констатировать, что, несмотря на эмоциональность оценок автора, он фиксирует ряд действительно важных черт приватизации государства, характерных (хотя и в разной степени) практически для всех постсоветских государств.

6) «Коррупционное государство» (или «гнилое государство») — термин, отражающий срыв правовой модернизации посткоммунистических государств. С одной стороны, констатируется ряд позитивных примеров быстрого экономического развития, например становление польской экономики с крушением коммунизма, успех которого связывается, впрочем, не в последнюю очередь с внешними факторами (беспрецедентная помощь ЕС) [Cienski, 2018]. С другой стороны, обращается внимание на то, что экономический рост не

привел к продвижению демократических реформ, но напротив, способствовал популизму, коррупции и консервативно-авторитарному тренду.

В основных государствах, испытавших влияние посткоммунистического преобразования, — таких как Болгария, Венгрия, Польша, Россия, и даже Китай — везде существует выраженная коррупция, причем некоторыми констатируется связь ее появления (в современных формах) с неолиберализмом и логикой транзита [Holmes, 2006]. Впрочем, остается открытым вопрос о том, может ли (и в какой мере) коррупция определять природу и тип государственности. Как отмечает ряд исследователей, коррупция — не только преступление, но и тип высокотехнологичного рыночного решения осуществляемого могущественными лицами, связанными с государством или внутри него (например, в Киргизии) [Engvall, 2016]. В некоторых работах присутствует термин «клиентелистской демократии», возникшей с отказом от коммунизма в традиционных азиатских культурах. В условиях слабости гражданского общества и отсутствия полноценной политической конкуренции, как это представлено в государствах Средней Азии или других развивающихся регионах мира, коррупция — едва ли не единственный механизм клиентелистской демократии, противостоящий жесткому авторитаризму.

Особая группа дисфункциональных постсоветских режимов наиболее четко выражает последствия застоя политической трансформации, демонстрируя три негативных эффекта: 1) продолжение власти старых элит, трансформированных в олигархии, играющие ведущую роль в экономике и политике своих государств; 2) растущее стремление к потреблению ренты и коррупции; 3) демократический откат в таких странах как поучительный пример другим странам. В результате, констатируют аналитики, граждане полудюжины посткоммунистических стран еще живут в авторитарных режимах [Djankov, Hauck, 2016]. Объяснение этого результата усматривается прежде всего в истории как главной детерминанте, результат действия которой лишь частично удастся скорректировать институциональным выбором новейшего времени. Эти выводы о срыве постсоветских демократических транзитов подтверждаются обращением к опыту других регионов — странам арабского мира, Азии и Африки, Латинской Америки, экспериментировавших с советской моделью в 1950-1970-е гг. и столкнувшихся со сходными проблемами по выходе из нее.

Политические режимы посткоммунистического региона: типология и трудности интерпретации

В Восточной Европе и России период посткоммунистических реформ ознаменовался разрывом правовой традиции — конституционной революции, получившей в тот период позитивную оценку как «возрождение страны» и способ преодоления авторитаризма (см., например, [Lowenhardt, 1995]). Сходным образом шло формирование рыночных институтов посткоммунистического мира и приспособление к ним различных социальных групп в России [Frye, 2000]. Это была шоковая терапия — не только в экономике, но и всех областях жизни, обеспечившая взаимодействие этики, социальной терапии и даже биополитики, которые охватывали психологические проблемы постсоветского человека в России [Matza, 2018]. Напротив, в некоторых государствах Азии трансформация в направлении рыночной экономики и политической модернизации не знала такого разрыва культурной, правовой и политической преемственности. Это ставит вопрос о цивилизационных моделях транзита, их преимуществах и издержках.

Интересен фактор заимствования и влияния внешних образцов на выбор странами региона стратегий экономических реформ. Когда реформы начинались в странах Восточной Европы, существовал только один внешний ориентир — Запад как «идеальный тип». Сейчас появилась важная альтернативная модель Китая, который продемонстриро-

вал возможности быстрого экономического развития без демократических преобразований (в рамках либеральной модели такой вариант не рассматривался). Сравнение транзита в Восточной Европе и Китае через 25 лет после его завершения показало, что радикальность процесса реформ в одном случае и эволюционный характер в другом имеют свои преимущества и недостатки. В Восточной Европе в основе преобразований лежит кризис коммунистической диктатуры в результате обрушения плановой экономики, в Китае — основу составляет стратегия самой партии, которая пошла на эволюционные реформы и ввела меритократию, чтобы сохранить власть. В одном случае, считает новейший исследователь, негативным результатом стала клептократия, в другом — усиление однопартийной диктатуры с рыночной экономикой. Вместо полной единовременной декоммунизации китайцы пошли на передачу управления экономикой в деревне другим структурам с целью сохранить власть партии, но в темпах экономического роста достигли большего, чем восточноевропейцы [Roland, 2018]. На сегодняшний день это позволяет некоторым восточноевропейским элитам предлагать коррективы предшествующей либеральной модели реформ (основанной на «шоковой терапии» по лекалам манчестерского либерализма) с позиций китайской модели реформ, осуществляемых авторитарным государством.

Любой транзит требует идеологии — явной или завуалированной, которая направляет политику, дает чувство миссии и легитимацию режима — внешнюю и внутреннюю. Транзит от коммунизма к демократии, как выяснилось, не исключает появления другой формы демократии (нелиберальной), различных вариантов соединения либеральных ценностей с национализмом и правового государства с авторитаризмом. И все это — при внешнем принятии либеральных стандартов прав человека и рыночной экономики. В такой перспективе информативно сравнение процессов конструирования идеологии в России и Китае для решения задач модернизации: совмещения традиции и обновленного национализма, вовлечения общества, убеждения элиты и получения ее поддержки [Cheng Chen, 2016]. Подобное конструирование предполагает обращение к традиции. Возрождение традиции — характерный признак популистских режимов ЦВЕ и Азии, коммунистического Китая и современной России. В России этот поиск связан с актуализацией идей евразийства — идейного конгломерата, появившегося в 1920-е гг., артикулировавшего неевропейский и незападный путь России с целью обеспечить ее роль в колониальном мире. В этих поисках присутствовали элементы, близкие консервативным движениям в межвоенной Европе. В настоящее время этот идеологический конгломерат выступает резервуаром националистической мобилизации в странах постсоветского пространства и России [Bassin, Glebow, Lawelle, 2015]. Но сходные тренды в разных изводах консервативного популизма характерны практически для всех государств постсоветского ареала. Их выражением становится феномен «ностальгии по коммунизму» [Todorova, Gille, 2010; Ghodsee, 2017] — предшествующим имперским или вообще авторитарным формам государственности. Причем эти ориентиры, исторически противостоящие друг другу, эклектически сочетаются в консервативном популистском сознании. В некоторых случаях конструирование национальной идентичности в независимом новом постсоветском государстве вообще возможно с прямым использованием советского идеологического наследия (например в Узбекистане) [Adams, 2010].

В целом экономический прогресс в постсоветских странах был более успешен, чем политический. Реформаторы знали, как провести экономическую реформу, но не построить демократию. Возможно, их позиция сформировалась на основе идеологического предубеждения о том, что демократия гарантирует экономический успех. Сегодня очевидно, что это, как минимум, не очевидно, а в ряде случаев очевидно обратное. Многие страны, вступившие на путь демократии, затем свернули с него. В некоторых странах не получилось обеспечить легитимность либеральным демократиям. Обращалось внимание на тот факт, что посткоммунистический тип авторитаризма унаследовал от коммунизма его основной

признак — слияние власти и собственности — с ее перераспределением и приватизацией в рамках новой правящей группы, построенной по патронажно-клиентарному принципу [Приватизация власти..., 2018]. В ЦВЕ, как отмечалось, наиболее ярким примером выступает Венгрия [Мадьяр, 2016]. Слияние власти и собственности (через контроль над бизнесом) — характерная черта российского посткоммунистического режима [Липпман, Рябов, 2007], определяющая особенности государственного управления сверху до низу [Плискевич, 2014]. Все эти наблюдения едины в том, что в существенной группе посткоммунистических государств либеральные экономические реформы, проведенные неправовыми методами, не только не позволили создать правовое государство, но и способствовали сворачиванию конституционных реформ [Fruhstorfer, Hein, 2016] и авторитарному синдрому.

Типология переходных процессов и политических режимов позволяет выявить две стратегии переходного периода — для Центральной и Восточной Европы и Евразии. Но они не едины внутри себя. В Центральной и Восточной Европе возможно выделить: страны быстрой консолидации (Чехия, Венгрия, Польша, Словения); страны замедленной консолидации (Болгария, Румыния); страны заторможенной консолидации (Сербия, Хорватия, Македония, Албания). Данная группировка соотносится с параметрами конституционной трансформации: «бархатные революции» и перевороты; принятие конституций путем диалога или разрыва конституционной преемственности; соответственно, большие или меньшие возможности «бархатной реставрации». Типология переходных процессов в Евразии включает: российскую модель 1993 г. как общий ориентир для СНГ; страны, вставшие на путь поиска альтернативы (Молдавия, Украина, Грузия, Киргизия, испытавшие феномен «цветных революций»); страны, избравшие модель авторитарной модернизации (Казахстан, Белоруссия, Азербайджан, Армения); неререформированные режимы Средней Азии (Туркмения, Таджикистан, Туркменистан). России в этой типологии принадлежит особое место как стране, инициировавшей выход из коммунизма во всем регионе, но одновременно создавшей особую модель политического режима, сочетающую конституционно-демократическую легитимность с авторитарной системой управления [Медушевский, 2018].

Характерны трудности, с которыми сталкиваются аналитики в поисках дефиниции соответствующих политических режимов. Наиболее распространенным является их общее определение как «гибридных режимов», то есть таких, которые не могут быть однозначно отнесены к демократическим или авторитарным, но сочетают их признаки. В 1990-х — начале 2000-х гг. предполагалось, что они эволюционируют к демократии, представляя собой неполные или переходные ее формы, которые определялись как «полудемократия», «виртуальная демократия», «электоральная демократия», «делегативная демократия». Но затем (начиная уже с 2000-х гг.) большинство исследователей отказывается рассматривать их с позиций демократического транзита (и предопределенности его результата в виде построения демократии), отмечая, что авторитарный вектор их развития преобладает над демократическим. Появляется понятие «нелиберальной демократии», а в дальнейшем выдвигается ряд дефиниций, упирающихся уже на авторитарный компонент их функционирования — «частично свободное государство», «мягкий авторитаризм», «полуавторитаризм», электоральный авторитаризм», «конкурентный авторитаризм», «псевдodemократия» и даже новый вид тоталитаризма (что, конечно, представляет скорее публицистическое преувеличение).

Конец посткоммунизма как идеологическая конструкция?

В контексте современных споров заслуживает обсуждения тезис хорватского исследователя Б. Будена (Boris Buden) о необходимости отказа от самого термина «пост-коммунизм», выдвинутый в его книге 2009 г. [Budен, 2009]. Обсуждение этой идеи, десятилетие спустя (Прага, 2018), позволило ввести термин «конец конца посткоммунизма» [Bogdan, Sikora, 2019].

Основные положения концепции Будена в актуализированном виде сводятся к следующему. Провал посткоммунистического транзита есть факт (диагноз) — нужно его просто признать. В основе провала лежат не тактические ошибки, но ошибочность самого замысла — попытка соединить либеральную демократию и капитализм в новых условиях глобализации. Проект посткоммунизма был утопией и, как таковой, не мог быть реализован в принципе, а его воспроизводство в публичной сфере мотивировалось простым актом веры. Исчерпание веры в «западную демократию» и «невидимую руку» рынка как источника движения вперед означало конец утопии.

Проект посткоммунизма, имея западное происхождение, утратил свою динамику с кризисом западной модели либерального государства под влиянием глобализационного вызова. Западная модель выдвигалась как перспективный образец для посткоммунистического региона, который, следуя идеям Ю. Хабермаса и Р. Дарендорфа, вступил на путь «догоняющих революций» с тем, чтобы завершить переход к демократии по истечении 60 лет (что оказалось слишком долго для поколения революционеров). Однако на деле сам «Запад» перестал представлять собой единое целое — он столкнулся с противоречиями и дезинтеграционными тенденциями, утратил былую привлекательность для стран ЦВЕ, и полагая, что сохраняет контроль над ситуацией, на самом деле «управляет пустотой» (используя метафору книги [Mair, 2013]). Понятие «опустошения» западных демократий раскрывается по таким параметрам, как сужение социального пространства гражданского общества, отделение партийной политики от народа, размывание политического спектра в его крайних полюсах, смешение программ традиционных партий и неспособность электората различать их, отрыв политиков от реальности. Эти параметры особенно заметны в посткоммунистическом регионе Восточной Европы.

Важной стороной проблемы проекта посткоммунизма признаются критиками перекосы модернизации: соотношение западного оригинала и восточноевропейской копии просто разошлось по времени. Пока посткоммунистический регион догонял Запад (каким он был раньше), тот оказался внутренне измененным и «опустошенным» — стал представлять «пустое пространство», тотально разобщенный народ и элиты. Это пустое пространство сейчас заполнено так называемым популизмом, представляющим собой реакцию на неэффективность постсоветского решения. Популизм воспроизводит поэтому прежние идеологические конструкции, направленные против либеральной демократии, включая широкий спектр различных консервативных доктрин — от умеренного консерватизма правых правительств в странах Восточной Европы до идей, близких испанскому фашизму (например, клерикальный фашизм в Хорватии).

Единство «Запада» как теоретической конструкции, основанное на его восприятии с позиций либеральной идентичности (легитимности), победившей все другие, считают Буден и его единомышленники, начинает распадаться. Восточная Европа оказалась перед выбором: означает ли принадлежность к Западу вступление в НАТО; целесообразно ли следовать за Д.Трампом против Европы, а в ней самой — за Великобританией или Брюсселем. Неопределенность картины будущего означает отсутствие политического воображения. С этих позиций под вопросом оказывается единство региональной идентичности Восточной Европы: это уже не регион, а блок нормативной идентичности (a normative identity block). Различные ее части вынуждены ориентироваться на более крупные региональные объединения, известные как Глобальный Север, Юг и Запад — Восток. Европа переосмысливает себя, глядя на другие регионы (США, Китай, Россию), но теряет единство идентичности и привлекательность в качестве модели.

В Европе представлены «спорные» регионы — это Балканы, которые относятся к Европе только формально (географически, но не политически). На Балканах процессы европеизации и демократизации, следуя современным оценкам, тотально провалились (Босния-Герцеговина, Хорватия, Сербия-Косово, а также Румыния). Постсоветская транс-

формация не нашла завершения: эти страны создали проблемы, которые сами не могут решить, делегируя их ЕС (в который не входят). Балканы воспринимаются в Европе как чуждый регион, культурно другой и не способный на интеграцию. В этом контексте заявление Э. Макрона о нежелании включать балканские страны в ЕС — выражение устойчивой позиции. В то же время «балканизация» или «украинизация» Европы — заметный тренд, идущий без прямой интеграции этих регионов.

Ситуация, полагают критики посткоммунистического проекта, возвращается к 90-м гг. XX в. на новом уровне. Восточная Европа сталкивается со схожей дилеммой: вся концепция посткоммунистического транзита была глубоко идеологической, поэтому плохо готовила общества к грядущей истории. Теперь «история уходит с Запада», заставляя переосмыслить посткоммунизм (как ранее коммунизм). Смена идеологий — выражение тенденций и противоречий глобализации в регионе — переход от идеологии потребления к идеологии выживания. Первая идеология (господствовавшая в 1990-е гг.) постулировала, что рыночная экономика самостоятельно обеспечит экономический рост, высокие жизненные стандарты и демократию. В условиях глобализации эта иллюзия перестает соответствовать действительности. Народы и элиты постсоветских стран вынуждены принимать решения, навязываемые извне ведущими игроками (сильными государствами и транснациональными финансовыми регуляторами и компаниями), утрачивая позиции в производстве, кадрах и профессиональных навыках. Экономическая стратегия посткоммунистических стран свелась к простой дилемме — либо дешевая рабочая сила и приток инвестиций, либо дорогая рабочая сила, но уже без инвестиций.

Новый тип региональной идентичности ЦВЕ формируется поэтому как защитная реакция от деструктивных следствий глобализации — противопоставление региона Западу. Эта «Самоизоляция» региона Восточной Европы, или его «Само-овосточничество» (self-Easternization), выступает как культурный проект, выражающий себя прежде всего в культуре и искусстве. Имеется в виду политика идентичности, направленная на преодоление отчуждения, своеобразная форма борьбы за признание со стороны Запада. Посткоммунизм выражает неустойчивый баланс между завышенными ожиданиями и разочарованием, причем с нарастанием последнего. Не означает ли это, что посткоммунизм являлся не более чем очередной попыткой догоняющей модернизации, завершившейся (как большинство предыдущих) откатом назад?

Заключение: итоги посткоммунистического проекта

Итоги посткоммунистического проекта определяются тем, как мы видим его содержание в идеологическом, правовом и институциональном измерениях. Крушение коммунизма как целостной системы, связывающей воедино все три компонента, теоретически открывало перспективы обретения регионом новой демократической идентичности, закладывая основы легитимности новых политических режимов и программы их действия на «переходный период» от коммунистической диктатуры к демократии.

На этой основе был сформирован посткоммунистический проект — совокупность теоретических положений, программных установок и дорожных карт по выведению соответствующих стран на широкую дорогу демократических преобразований. В течение десятилетий, последовавших за демократическими революциями 1989 г., никто не ставил под вопрос реализуемость плана. Речь шла только о моделях и технологиях его осуществления, позволявших выделить разные группы стран по критерию близости к цели и того, насколько они справились со «школьным заданием», — освоением рекомендаций более продвинутых стран по созданию рыночной экономики, демократии и парламентаризма.

При этом в интернациональной дискуссии почти полностью игнорировались пять принципиальных факторов: *во-первых*, влияние процессов глобализации на степень состо-

тельности посткоммунистического проекта (основы и интенции которого закладывались фактически до начала глобализации и не могли предвидеть ее воздействия); *во-вторых*, трансформация содержания и смысла ряда основополагающих принципов классической демократии в условиях европейской интеграции и связанных с ней задач (идеология прав человека, европейский рынок, ограниченный суверенитет, многоуровневый конституционализм, транснациональное конституционное правосудие); *в-третьих*, роль культурной и исторической традиции национальных государств, которая, временно отступив под натиском демократических процессов, со временем вернула свои позиции, определив различную трактовку самого понятия «посткоммунизм» и путей выхода из него; *в-четвертых*, растущий разрыв общих ценностей посткоммунистического региона и интересов входящих в него субрегионов и отдельных стран с учетом глобальной экономической дифференциации, конкуренции и геополитических приоритетов; *в-пятых*, меняющееся соотношение целей и средств посткоммунистического проекта — неспособность элит предвидеть влияние мощных деструктивных процессов на легитимность политических институтов в виде экономических диспропорций, миграционного кризиса, спонтанного информационного обмена. Этот вакуум теоретических концепций, доверия и действенных регуляторных механизмов быстро заполнил так называемый популизм — психологическая реакция апатичного общества на когнитивный конфликт завышенных ожиданий и реальности, резкие социальные изменения и неврозы — подчеркнуто карандашом, на полях галочка, чтобы это значило раздражающие социальные последствия этих изменений.

Тезис о конце посткоммунизма, на наш взгляд, напоминает известный тезис о конце истории и вызывает сходное ощущение ложной многозначительности. Очевидно, что его смысл зависит исключительно от того, что мы вкладываем в понятие посткоммунизма. Проведенный обзор дискуссий показывает, что данный термин используется, как минимум, в трех разных пониманиях. В одном термин «посткоммунистический» вообще есть прагматическое описание определенной эпохи с ее надеждами, трудностями и достижениями — эпохи, по-видимому, завершающей свое существование. В другом понимании он используется как идеологический маркер для обозначения перехода бывших коммунистических стран к либеральной демократии и рыночной экономике. В таком случае завершение или провал транзита означает и конец посткоммунистической эпохи. В третьем понимании посткоммунизм означает новый идеологический синтез, отражающий поиск регионом места в условиях глобализации. Каков будет этот синтез, зависит от сочетания исторической традиции, культурных инноваций и представлений о желательной картине мира будущего.

Окончание посткоммунистического периода, определяемого как эпоха «транзита к демократии», позволило констатировать противоречивость полученного результата. С одной стороны, всем странам региона удалось уйти от коммунизма, во всяком случае, в той его одиозной форме, которая господствовала под именем марксистско-ленинской идеологии и основанных на ней репрессивных однопартийных режимов. С другой стороны, иная, более масштабная цель — построение полноценной демократии западного типа, по общему признанию, остается скорее обещанием, чем реальностью, а в некоторых странах она потерпела провал с установлением новых авторитарных режимов. Важно выяснить, насколько коммунистическое прошлое влияет на формирование идентичности стран региона в условиях глобализации. Проект посткоммунизма уходит, не будучи сменен никаким новым полноценным проектом, если не считать таковым право-популистский поворот в политике стран Восточной Европы и России. Это позволяет сомневаться в прочности легитимирующих основ постсоветских политических режимов и их устойчивости в долговременной перспективе. По мере того, как с угасанием воспоминаний о коммунизме в Восточной Европе будет стираться из памяти посткоммунистический этап развития с его надеждами и разочарованиями, станут понятны реальные политические факторы адаптации стран региона в новые интеграционные проекты формирующегося глобального правового порядка.

ЛИТЕРАТУРА

- Горбачев М.С. (2018). В меняющемся мире. М.: АСТ.
- Мадьяр Б. (2016). Анатомия посткоммунистического мафиозного государства. На примере Венгрии. М.: Новое литературное обозрение.
- Медушевский А.Н. (2015). Политические сочинения: право и власть в условиях социальных трансформаций. М.-СПб.: Центр гуманитарных инициатив.
- Медушевский А.Н. (2019). Политическая философия М. Горбачева и перспективы нового мирового порядка // Сравнительное конституционное обозрение. № 5 (132). С. 125–144.
- Медушевский А.Н. (2018). Популизм и конституционная трансформация: Восточная Европа, постсоветское пространство, Россия // Политика. № 3 (90). С. 113–139.
- Плискевич Н.М. (2014). Трансформация системы «власти–собственности» в России: региональный аспект. М.: Институт экономики.
- Приватизация власти, или По ту сторону политического.: Материалы дискуссии (2018) // Неприкосновенный запас. Т. 121. № 5. С. 3–321.
- Пути российского посткоммунизма. Очерки / Под ред. М. Липман, А. Рябова. М.: Изд. Р. Элина.
- Шишелина Л.Н. (2010). Вишеградская Европа: откуда и куда? Два десятилетия по пути реформ в Венгрии, Польше, Словакии и Чехии. М.: Весь мир.
- Ясин Е.Г. (2012). Приживется ли демократия в России. М.: Новое литературное обозрение.
- Adams L.L. (2010). The Spectacular State: Culture and National Identity in Uzbekistan. Durham. London: Duke University Press.
- Between Europe and Asia: The Origins, Theories and Legacy of Russian Eurasianism. (2015). Pittsburgh: University of Pittsburgh Press. M. Bassin, S.Glebow, M. Lawelle (Eds.).
- Bogdan C., Sikora P. (2019). The End of the End (of Postcommunism) // Revista ARTA. Prague. April 11. 2019. revistaarta.ro/en/the-end-of-the-end-of-postcommunism.
- Buden B. (2009). Zone des Übergangs: Vom Ende des Postkommunismus. Berlin: Suhrkamp.
- Cheng Chen. (2016). The Return of Ideology: The Search for Regime Identities in Postcommunist Russia and China. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Ciensi J. (2018). Start up Poland: The People who Transformed an Economy. Chicago: University of Chicago Press.
- Constitutional Politics in Central and Eastern Europe. Berlin: Springer. (2016) / A. Fruhstorfer, M. Hein (Eds.)
- Djankov S., Hauck O. (2016). The Divergent Postcommunist Paths to Democracy and Economic Freedom Peterson Institute for International Economics Working paper 16-10 July 2016. www.piie.com/system/files/documents/wp16-10.pdf.
- Engvall J. (2016). The State as Investment Market: Kyrgyzstan in Comparative Perspective. Ann Arbor: University of Pittsburgh Press.
- Eyal G. (2003). The Origins of Post-communist States: From Prague Spring to the Breakup of Czechoslovakia. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Frye T. (2000). Brokers and Bureaucrats: Building Market Institutions in Russia. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Ganev V. (2020). Understanding State Weakness in Postcommunism. www.wilsoncenter.org/publication/345-understanding-state-weakness-postcommunism.
- Ghodsee K. (2017). Red Hangover: Legacies of Twentieth-Century-Communism. Durham and London: Duke University Press.
- Heathershow J. (2017). Paradox of Power: The Logics of State Weakness in Eurasia. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.
- Holmes L. (1997). Post-Communism: An Introduction. Durham, NC: Duke University Press.
- Holmes L. (2006). Rotten States?: Corruption, Post-Communism, and Neoliberalism. Durham, NC: Duke University Press.
- Kalan D. (2019). A Private State. Viktor Orban's National Post-communism (1.07.2019). klubjagiellonski.pl/2019/07/01/a-private-state-viktor-orbans-national-post-communism.
- Klima M. (2015). Od totality k defektní demokracii. Praha: SLON.
- Lowenhardt J. (1995). The Reincarnation of Russia: Struggling with the Legacy of Communism, 1990–1994. Durham, NC: Duke University Press.
- Mair P. (2013). Ruling the Void. The Hollowing of Western Democracy. London: Verso.
- Matza T. (2018). Shock Terapy: Psychology, Precarity, and Well Being in Postsocialist Russia. Durham: Duke University Press.
- Pehe J. (2014). Czech Republic and Slovakia 25 Years after the Velvet Revolution: Democracies without Democrats (15 September 2014). eu.boell.org/en/2014/09/15/democracies-without-democrats.
- Post-communist Nostalgia. (2010). New York, Oxford: Berghahn Books. M.Todorova, Gille Z. (Eds.)
- Roland G. (2018). The Evolution of Postcommunist Systems: Eastern Europe versus China. eml.berkeley.edu/~groland/pubs/Evolutionpostcommunist.pdf.

Rupprecht T. (2018). Rupprecht in Pula, 'Globalization Under and After Socialism: The Evolution of Transnational Capital in Central and Eastern Europe'. networks.h-net.org/node/28443/reviews/3984879/rupprecht-pula-globalization-under-and-after-socialism-evolution (дата обращения 10.01.2021).

Медушевский Андрей Павлович

amedushevsky@mail.ru

Andrey Medushevsky

Doctor of sciences (Philosophy), tenured professor at the National Research University Higher School of Economics (HSE University). Address: 20, Myasnitskaya st., Moscow, 101000, Russian Federation.

amedushevsky@mail.ru

POST-COMMUNISM PROJECT IN EASTERN EUROPE: CONTENT, EVOLUTION AND THE CAUSES OF EXPIRATION

Abstract. The outcomes of Post-Communist evolution in Eastern Europe started by the fall of Berlin wall and the collapse of USSR becomes the subject of very controversial debates 30 years after. The growing social disappointment, the rise of conservative populism and the backslide of democracy in many countries of this region makes this academic debate a part of a broad ideological and political struggle over the concept of future Europe and the place of Eastern Europe in globalizing world. At the core of this problematic stay the reappraisal of Post-Communist project — system of values, principles and norms of economic and political transformation in Eastern Europe as well as road-map used by elites for the reconstruction of political legitimacy and reform process promulgation. The author analyses three major aspects of the subject: the substance of the Post-Communist project as a theoretical construction; the evolution of its basic ideas at the passed time, and the results of its fulfillment — positive and negative. The Second part of the article put its gravity center on causes and mechanisms of Post-communist transit dysfunctions: the logic of democracy and authoritarianism in societies under transformation; typology and interpretation of political regimes; the concept of the “end of Post-communism” as ideological construction. The author summarizes the role of the Post-Communist project in current political debates showing its contradictions, missed opportunities, dysfunctions and causes of its expiration.

Keywords: *Post-Communism, Central and Eastern Europe, Post-communist transit, democratic backslide, populism, political regimes, ideology, economic and political reforms, legitimacy.*

JEL: A10, F02, F15, N20, P20.

REFERENCE

- Adams L.L. (2010). *The Spectacular State: Culture and National Identity in Uzbekistan*. Durham, London: Duke University Press.
- Between Europe and Asia: The Origins, Theories and Legacy of Russian Eurasianism*. (2015). Pittsburgh: University of Pittsburgh Press. M. Bassin, S.Glebow, M. Lawelle (Eds.).
- Bogdan C., Sikora P. (2019). The End of the End (of Postcommunism) // *Revista ARTA*. Prague, April 11, 2019. revistaarta.ro/en/the-end-of-the-end-of-postcommunism.
- Buden B. (2009). *Zone des Übergangs: Vom Ende des Postkommunismus*. Berlin: Suhrkamp.
- Cheng Chen. (2016). *The Return of Ideology: The Search for Regime Identities in Postcommunist Russia and China*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Ciensi J. (2018). *Start up Poland: The People who Transformed an Economy*. Chicago: University of Chicago Press.
- Constitutional Politics in Central and Eastern Europe. Berlin: Springer. (2016) / A. Fruhstorfer, M. Hein (Eds.)
- Djankov S., Hauck O. (2016). The Divergent Postcommunist Paths to Democracy and Economic Freedom. Working paper 16–10 July 2016 // Peterson Institute for International Economics. www.piie.com/system/files/documents/wp16-10.pdf.
- Engvall J. (2016). *The State as Investment Market: Kyrgyzstan in Comparative Perspective*. Ann Arbor: University of Pittsburgh Press.
- Eyal G. (2003). *The Origins of Post-communist States: From Prague Spring to the Breakup of Czechoslovakia*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Frye T. (2000). *Brokers and Bureaucrats: Building Market Institutions in Russia*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Ganev V. (2020). *Understanding State Weakness in Postcommunism*. www.wilsoncenter.org/publication/345-understanding-state-weakness-postcommunism.

- Ghodsee K. (2017). *Red Hangover: Legacies of Twentieth-Century-Communism*. Durham and London: Duke University Press.
- Gorbachev M.S. (2018). *V meniaiuschemsia mire* [In a Changing World]. Moscow: AST.
- Heathershow J. (2017). *Paradox of Power: The Logics of State Weakness in Eurasia*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.
- Holmes L. (1997). *Post-Communism: An Introduction*. Durham, NC: Duke University Press.
- Holmes L. (2006). *Rotten States?: Corruption, Post-Communism, and Neoliberalizm*. Durham, NC: Duke University Press.
- IAsin E.G. (2012). *Prizhyvetsia li demokratia v Rossii* [Will Democracy survive in Russia]. Moscow, NLO.
- Kalan D. (2019). *A Private State. Viktor Orban's National Post-communism* (1.07.2019). klubjagiellonski.pl/2019/07/01/a-private-state-viktor-orbans-national-post-communism.
- Klima M. (2015). *Od totality k defektní demokracii*. Praha: SLON.
- Lowenhardt J. (1995). *The Reincarnation of Russia: Struggling with the Legacy of Communism, 1990–1994*. Durham, NC: Duke University Press.
- Madiar B. (2016). *Anatomia postkommunisticheskogo mafiosnogo gosudarstva* [The Anatomy of Post-communist Mafia-state]. Moscow: NLO.
- Mair P. (2013). *Ruling the Void. The Hollowing of Western Democracy*. London: Verso.
- Matza T. (2018). *Shock Terapy: Psychology, Precarity, and Well Being in Postsocialist Russia*. Durham: Duke University Press.
- Medushevskiy A.N. (2015). *Politicheskie sochinenia: pravo i vlast v usloviiach socialnyh transformacij* [Political Writings: Law and Power under Social Transformations]. Moscow. Centr gumanitarnykh iniciativ.
- Medushevskiy A.N. (2018). *Populizm i Konstitucionnaia transformacia: Vostochnaia Evropa, postsovetskoe prostranstvo, Rossiia* [Populism and Constitutional Transformation: Eastern Europe, Post-soviet Area, and Russia]. Politia. No. 3 (90). Pp. 113–139.
- Medushevskiy A.N. (2019). *Politicheskaia filosofia M. Gorbacheva I perspektivy novogo mirovogo poriadka* [Political Philosophy of M.Gorbachev and the Prospects for a new World Order] // Sravnitel'noe Konstitucionnoe obozrenie. No. 5 (132). P. 125–144.
- Pehe J. (2014). *Czech Republic and Slovakia 25 Years after the Velvet Revolution: Democracies without Democrats* (15 September 2014). eu.boell.org/en/2014/09/15/democracies-without-democrats (Access date: 10.01.2021).
- Pliskevich N.M. (2014). *Transformacia sistemy «vlasti-sobstvennosti» v Rossii* [Russian System of Power-property relations in Transformation: the Regional Aspect]. Moscow: Institut Ekonomiki RAN.
- Privatizacia vlasti, ili po tu storonu politicheskogo: Materialy discussii* (2018). [Privatization of Power or on the other side of politics] // Neprikosnovennyi zapas. Vol. 121. No. 5. Pp. 3–321.
- Post-communist Nostalgia. (2010). New York, Oxford: Berghahn Books. M.Todorova, Gille Z. (Eds.)
- Puti rossiiskogo postkommunisma (2007). [Paths of the Russian Post-communism]. Moscow: P. Ellin. / M. Lipman, A. Riabov (Eds.)
- Roland G. (2018). *The Evolution of Postcommunist Systems: Eastern Europe versus China*. eml.berkeley.edu/~groland/pubs/Evolutionpostcommunist.pdf (Access date: 10.01.2021).
- Rupprecht T. (2018). *Rupprecht in Pula, 'Globalization Under and After Socialism: The Evolution of Transnational Capital in Central and Eastern Europe'*. networks.h-net.org/node/28443/reviews/3984879/rupprecht-pula-globalization-under-and-after-socialism-evolution (Access date: 10.01.2021).
- Shishelina L.N. (2010). *Vyshegradskaia Evropa: otkuda I kuda?* [Vyshegrad Europe: where to go? Two Decades of Reforms in Hungary, Poland, Slovakia and Czechia]. Moscow: Ves' Mir.